

ЛОГИКА ОЧЕВИДНОГО В ФИЛОСОФИИ Э. ГУССЕРЛЯ

Логика оставалась предметом интереса Э. Гуссерля на всех этапах его философской деятельности. На его формирование повлияли такие логики, как Д. Гильберт, К. Гедель, Ф. Ланге, Г. Лотце, К. Твардовский, Б. Рассел, Г. Фреге. Сам Гуссерль обращается к проблемам логики в специальных работах — в «Логических исследованиях» (1900–1901), «Формальной и трансцендентальной логике» (1929), «Опыте и суждении» (1939). Он читает курсы, посвященные общим и специальным вопросам логики. Так, в зимний семестр 1910/11 г. в Геттингене он ведет курс по общей логике, в 1925–1926 гг. читает лекции, предметом которых является анализ пассивного синтеза. В такие работы, как «Философия арифметики» (1891), «Идеи к чистой феноменологии» (1913) и «Картезианские размышления» (1929), Гуссерль органично включает логическую проблематику.

С XIX в., в третий раз после расцвета аристотелевской и схоластической философий, возрождается интерес к логике. Именно в логических исследованиях математики и философы пытаются переосмыслить результаты достижения двух наук — математики и психологии, во многом определивших дальнейшее направление развития философской проблематики. С логикой обычно связывался и анализ «философии как строгой науки», и расцвет неклассических геометрий, и другие математические открытия второй половины XIX — первой трети XX в.

В узкой среде специалистов-логиков сложилось различное отношение к Гуссерлевым усилиям подвергнуть логику критическому анализу с позиции формирующейся феноменологии. Так, Г. Х. фон Вригт даже не упоминает имени Гуссерля в своем критическом обзоре важнейших этапов развития логики в XIX и XX вв., обходит его молчанием и в своих собственных логических штудиях¹.

Но в случае с Гуссерлем, по-видимому, следует оценивать не только конкретные результаты его логических занятий, но и общий,

¹ Вригт Г. Х. фон. 1) Логико-философские исследования. М., 1986; 2) Логика и философия в XX веке // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 80–92.

во многом нереализованный потенциал его феноменологических исследований, которые в общем радикальном реформировании основ европейской рациональности не могут не задевать проблемы классической логики. Не случайно, логики, с которыми Гуссерль непосредственно общался или состоял в переписке, свидетельствуют, что очень часто те или иные их логические достижения были инспирированы Гуссерлевыми исследованиями. Так, Б. Рассел пишет в письме к Гуссерлю, что его «Логические исследования» были в числе книг, которые Рассел прихватил с собой в тюремное заключение².

Особого внимания заслуживают отношения Гуссерля и Готлоба Фреге, которые скреплялись их общим интересом к логике и математике. Одно время, в частности с 1981 по 1906 г., между ними завязалась переписка, особо оживлявшаяся, когда выходили из печати очередные их работы. Взаимное влияние двух философов основательно проанализировано такими исследователями феноменологии, как Д. Н. Моханти, М. Даммитт, Д. Феллесдалль и др., посвятившими этому вопросу специальные работы. Они поразному оценивают результаты такого обоюдного воздействия. Так, Я. Хинтикка полагал, что фрегевская логическая теория — плохой предмет для сравнения с гуссерлевской феноменологией, поскольку в учении первого не содержится и намек на те методологические процедуры, которые у Гуссерля являются необходимыми и предваряющими всякое исследование, в частности это касается вопроса относительно редукций, формирующих структуру феноменологической аналитики и определяющих вообще характер анализируемых предметностей в феноменологии³.

Другие исследователи полагают, что именно благодаря различным подходам Фреге и Гуссерля в решении схожих проблем взгляд одного подчас с неожиданной стороны проясняет позицию другого. Р. Соломон в исследовании, посвященном Фреге и Гуссерлю, показал, что взгляды Фреге позволяют «прояснить некоторые наиболее загадочные пассажи у Гуссерля»⁴.

При сравнении взглядов Г. Фреге и Э. Гуссерля бросается в глаза их негативизм в отношении к языку как основе логической кон-

²См.: *Husserl E. Briefwechsel. Bd VI. Dordrecht; Boston; London, 1994. S. 367.*

³*Hintikka J. The phenomenological dimension // The Cambridge Companion to Husserl. Cambridge, 1998. P. 93.*

⁴*Solomon R. S. Sense and Essence: Frege and Husserl // Analytic Philosophy and Phenomenology. Hague, 1976. P. 40.*

струкции, который сближает воззрения двух философов. В 1906 г. Фреге пишет Гуссерлю в письме следующее: «Логика, как мне кажется, еще слишком часто липнут к языку и грамматике...» И далее: «Задача логики не может состоять в том, чтобы следовать языку и выяснять, что заключено в языковых выражениях. Каждый, кто хочет научиться логике из языка, подобен взрослому, который хочет научиться мыслить у ребенка. Когда люди создавали язык, они находились на уровне детского образного мышления. Языки не создавались по логической линейке. И логическое в языке сокрыто за образами, которые не всегда верны. Во время образования языков, по-видимому, имело место чрезмерное разрастание языковых форм. Позднее многое должно было исчезнуть и упроститься. Главная задача логики состоит в освобождении от языка и в упрощении. Логика должна стать судьей языка. Следовало бы покончить с субъектом и предикатом в логике; или эти два слова следовало бы ограничить отношением подпадания предмета под понятие (субсумпцией). Отношение подчинения одного понятия другому настолько отлично от этого отношения, что при этом не может быть и речи о субъекте и предикате»⁵.

Можно найти сходные по духу высказывания Гуссерля в «Начале геометрии», касающиеся «искушения языком».

Фреге склонен отдать язык на откуп исторической лингвистике, сам же готов ограничиться сферой символических высказываний, поддающихся формальному дисциплинированию. Гуссерля в рамках дескриптивной теории описания также интересуют возможности нейтрализации ассоциативных флуктуаций смысла. В описании интенциональных предметов он стремится к языковой прозрачности, интуитивной определенности, логической однозначности, и все это фундировано в феноменологическом смысле очевидности.

Для Фреге (как для профессионального логика) символическое описание является самым предпочтительным способом логического выражения, хотя и не всегда достижимым. Для Гуссерля такой способ абсолютно неприемлем именно потому, что он носит нормативный характер и никак не выражает действительных содержаний сознания. Поэтому для одного смысл выражения следует искать в области логики истины, для другого — в модальной логике.

⁵ Фреге Г. Избр. работы. М., 1997. С. 156, 158.

Логика Гуссерля — это логика очевидности, но очевидности, как постоянно оговаривается Гуссерль, не в наивном выражении прямого непосредственного интуитивного схватывания чего-либо, лежащего в сенситивной либо в рефлексивной области, но очевидности как постепенно структурированной данности опыта, как наслаивающегося конституируемого описания.

И Фреге, и Гуссерль тем не менее вынуждены записываться проблемами языка. Фреге в своих «Логических исследованиях» показывает, как осуществляется переход от чувственной формы к языковой, когда «образность языка создает некоторые затруднения. Чувственность неизменно вторгается в область вневещного, сообщая выражениям образность и, следовательно, неточность. Так возникает борьба с языком, вынуждающая меня заниматься лингвистическими проблемами, хотя это, вообще говоря, не входит в мою непосредственную задачу»⁶.

Недоверие к языку заставляет Фреге сосредоточиться на области формальных символических структур и разрабатывать свою классификацию суждений, существенно отличающуюся от традиционной. Он анализирует логику предикатов и преимущества формального языка. Такая тенденция была абсолютно чуждой Гуссерлю, который даже в своих примерах предпочитал обращаться скорее к «экземплификациям» конкретных случаев и очень редко демонстрировал то или иное положение своей теории посредством символических формул или схем. К Гуссерлю, пожалуй, в полной мере относится замечание Фреге о том, что логики часто «впутываются в психологию», поскольку Гуссерль, несмотря на радикализм метода феноменологических редукций, как мы уже имели случай убедиться, был в своих исследованиях нацелен на область психического, служившую для феноменологии питательным источником. Гуссерль нашел свой собственный способ преодоления топкой почвы фактографии посредством интенциональной установки и многообразных практикуемых им редукций.

Решая проблему предикативного многообразия, Фреге полагает, что многозначность должна коррелироваться отношениями предмета, значения и смысла. Анализ смысловой опосредованности значения и предмета был главным достижением логики Г. Фреге.

В одном из своих писем Гуссерлю он уточняет трехчленное логическое отношение «имя понятия — предмет — смысл» как отноше-

⁶ Фреге Г. Логические исследования. Томск, 1997. С. 60–61.

ние смысла, предмета, имени и значения. В результате получается четырехчленная связь⁷:

Имя понятия

↓

Смысл имени понятия

↓

*Значение имени понятия — предмет, который подпадает
(понятие) под понятие*

Это письмо было написано Фреге в 1891 г. В нем он, критикуя логическую структуру Гуссерля, имеет в виду его «Философию арифметики». Уже во втором томе «Логических исследований» Гуссерль учел критику Фреге в своей концепции «наполнения значения». Но в первой книге «Идей» он совершенно отказывается от того направления исследований, которое определялось корреляцией «интенции значения» и «интенции наполнения», различающихся отсутствием в первом «подкрепляющих созерцаний»⁸.

В центре его дальнейших исследований оказывается другое открытие второго тома — теория интенциональной предметности. Следствием такого направления интересов Гуссерля явилось то, что проблема отношения значения и смысла отошла на задний план, оттесненная проблемой дескрипции внутриинтенциональных корреляций, посредством которой ему удастся выстроить дескриптивную конструкцию, гораздо более последовательную и развернутую, чем у Г. Фреге.

На основе нашего примера постараемся представить, как могли бы разрешаться и преодолеваться возникающие в описаниях сложности посредством той логики, к которой все еще причисляет себя Фреге и которую еще можно определять как классическую, но которая уже включает в себя проблемы, оказавшиеся неразрешимыми в рамках традиционной аристотелевской субъектно-предикатной логики истины.

Обратимся к одному из любопытных сочинений Г. Фреге — «О существовании», в котором он вступает в диалог с протестантским священником Б. Пюньером. Предметом спора служит определение понятия «существование». Пюньер полагает, что главным

⁷ Фреге Г. Избр. работы. С. 154.

⁸ Husserl E. Logische Untersuchungen. Bd II: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. Haag, 1984. S. 38.

признаком существования является способность «испытываться и быть источником представления, которому может ничего не соответствовать»⁹. Такое определение оказывается чрезвычайно стимулирующим в том смысле, что оно порождает многообразные неопределенности, которые и пытаются устранить по ходу диалога его протагонисты.

Прежде всего они проясняют, является «таким образом существующее» реальным субъектом или субъектом представления¹⁰. Далее встает вопрос о том, в каком именно из множества разнообразных опытов дается существование. Фреге приводит пример, который соответствует нашему примеру описаний Софии. Если в отсутствие некоторого человека о нем заходит речь, например говорят, что этот отсутствующий ранен, возникает множество проблем, связанных с определением достоверности этого факта: даже если раненый сам покажет свою рану, не говоря о каких-либо иных свидетельствах на этот счет, то все-таки всегда останется сомнение относительно того, та ли это рана, о которой шла речь. Конечно, здравый смысл намного упрощает процедуру проверки такого рода свидетельств, однако с позиции «наивной» очевидности бывает чрезвычайно сложно перепроверять даже самые простейшие факты. Например, анализ описания Епифания Премудрого приводит к необходимости подтверждений, удостоверяющих то, о чем сообщает этот автор: относительно вида св. Софии Константинопольской или относительно утерянного изображения этого храма, созданного Феофаном Греком, которое во многом определило описание самого Епифания; относительно того, был ли сам Феофан Грек в Константинополе или он также строил изображение храма, опираясь на какой-то опосредованный источник, и т. д., — доказательств и свидетельств, которых мы, по-видимому, никогда не получим, но без которых тем не менее можем восстановить очевидностную картину событий, описанных в письме, и фактов, которые стоят за этими событиями. Далее мы увидим, какое решающее значение имела для феноменологической дескриптивной концепции вся эта проблематика.

⁹ Фреге Г. Избр. работы. С. 7.

¹⁰ С позиции интенциональности этих вопросов можно было бы избежать, прежде всего потому, что они подвергаются эпохе. Поэтому целесообразно сразу же ввести в диалог «гень Гуссерля», с тем чтобы он вмешивался в него всякий раз, когда это приводило бы к осуществляемому в рамках его интенциональной концепции результату.

Аргументы такого рода заставляют Пюньера выдвинуть парадоксальное утверждение, противоречащее его первоначальному определению существования. Он полагает: высказывание, что некоторое «А» не дано в опыте, невозможно. Поэтому вопрос относительно существования и несуществования не имеет смысла. Следовательно, не имеет смысла отрицать, что нечто дано в опыте.

Вообще говоря, это рассуждение могло бы послужить одним из удачных выражений смысла феноменологической редукции, выраженного в форме апории. Но Гуссерль, всегда избегающий всяких форм логической двусмысленности, в своей теории интенциональной предметности просто редуцирует подобные софистические тонкости, сводя их к разрешимому сомнению. Интенциональная презентативность сознания является интуитивной и не нуждается в подтверждении.

Таким образом, мы видим, что проблема существования все время «вертится» вокруг принципа интенциональности. Однако посмотрим, как нефеноменологически разрешается эта проблема участниками диалога.

Протагонисты обращаются к случаю такого существования, которое не имеет реального денотата, они рассматривают логическую форму предложения «Кентавров не имеется». Пюньер уточняет смысл этого предложения, преобразовывая его в выражение «Представлению или понятию кентавра ничего не соответствует в опыте». Тогда оказывается, что гуссерлевское интенциональное представление о предмете не сужает область опыта, как может казаться с реалистических позиций, а, напротив, расширяет ее, поскольку как интенциональный, включенный в сознание предмет всегда реален (reell), иначе он не может стать материалом разбирательства на данном диспуте. Как показал Гуссерль в первом томе «Логических исследований», именно интенциональный статус предмета даст ему всеобщую форму существования, в противном случае мы имели бы дело с некоторой абсолютной мнимостью сознания, каким мыслительным фантомом, которому не нашлось бы места не только в эмпирическом опыте, на базе которого строятся все определения Пюньера, но даже в логическом, поскольку этот квазипредмет никак не включается в связку глагола «есть». Итак, бытийная основа интенциональных предметов предельно широка, и отнесение предмета к интенциональной области, как мы видим, позволяют преодолевать сложности в решении проблемы онтологического

статуса предметов. Гуссерль, последовательно придерживаясь позиции интенциональности, вводит вместо отношения «предмет сознания — денотат (или референт)» корреляцию предметно-смысловых импликаций.

Дальнейшее развитие диалога разворачивается в лучших традициях сократической иронической беседы, в соответствии с которой Фреге доводит до абсурда мысль Пюньера относительно характера неденотативных высказываний: «Высказывание (о кентавре есть высказывание. — *В. С.*) о том, что нечто данное в опыте никак не определяет то, о чем оно собственно высказано».

Тогда Пюньер, не прояснив одной сущности, используя софистическую уловку, вводит другие, указывающие на источники опыта: 1) внешний, коренящийся в аффектации, и 2) внутренний, коренящийся в «фантазии моего Я». Таким образом, Пюньер «преумножает сущности без надобности», но ни на шаг не приближается к прояснению понятия существования. Собственно, бессилие Пюньера имеет для нас то значение, что оно раскрывает важные точки опоры интенциональной теории Гуссерля и проясняет ее основные пункты, а именно: 1) исключение отношения содержаний сознаваемого и ему внеположного посредством интенциональной установки; 2) необходимость рассматривать всякий психический акт и со стороны его предметного наполнения, и со стороны осуществляющих предметные полагания актов; 3) необходимость выяснить природу пассивного синтеза; 4) необходимость проанализировать репродуктивную основу фантазии как актов модификации первичных содержаний сознания.

Интенциональная теория позволила Гуссерлю избежать многих сложностей, связанных с принципом отражения объективной реальности.

Для Пюньера представление (как психический акт) должно соответствовать «чисто логическому закону». Гуссерль в первом томе «Логических исследований» выключает логику, рассматривая ее как нейтральный элемент дескриптивного описания, и ориентирует исследование на психическую материю переживания, упорядочивая в дескрипции ее аморфный и труднодифференцируемый материал.

Г. Фреге фактически использует принцип интенциональности в анализе понятия существования, терминологически его не определяя. Можно согласиться с Д. Н. Моханти, который

считал, что Фреге рассматривает и разрабатывает интенциональную проблематику, не употребляя понятие интенциональности¹¹.

Фреге возвращает Пюньера на почву логики, обращая его внимание на то, что в любом случае (и особенно в примере с кентавром) предметом логического анализа является не вещь, а понятие, которому смысловое значение соответствует независимо от реального существования. По существу, он формулирует принцип интенциональности в таком тезисе: «Представление имеет такую особенность, что ему нечто соответствует»¹².

Ограничивая опыт сферой сознания и, более того, одной из его форм — представлением, Фреге пытается найти опору для определения значения существования. Но Пюньер в целом не может принять редуктивистскую логику, лежащую в основе теории интенциональности, которая исподволь управляет Фреге, но идет вразрез с естественной установкой, управляющей ходом рассуждений Пюньера. Гуссерль, Фреге и Пюньер в отношении к интенциональному принципу стоят на разных позициях и в своих исследованиях, в соответствии со своей методологической последовательностью, в разной степени способны разрешить сложности анализа смысла существования. Интенциональность не является абсолютной и единственно возможной основой исследования, поэтому попытка выделить ее там, где она не осознается самими мыслителями, не имеет целью показать ее универсальное значение в решении проблем сознания. Но тем не менее в данном случае интенциональная установка во многом прояснила бы природу тех предметов, анализом которых занимаются участники диалога. Так, Пюньер постоянно совершает одну и ту же ошибку, пытаясь опереться на «сам опыт — вне понятия и представления».

Принцип интенциональности позволяет обходиться без онтологического аргумента, восходящего к формулировке Ансельма Кентерберийского, который использует и Фреге. Суть его состоит в выведении существования из понятия. Здесь открывается основа того радикального метода, посредством которого Гуссерль подходит к неразрешимой в рамках наивного эмпиризма онтологической проблематике. Понятие интенциональности, по существу, уже содержит в себе редуктивную установку. Гуссерль в «Идеях» только

¹¹ Mohanty J. N. Intentionality and noema // The Journal of Philosophy. 1981. Vol. 78. N 11. P. 710.

¹² Фреге Г. Избр. работы. С. 8.

выявляет все последствия использования принципа интенциональности.

Для Гуссерля опыт — всеобъемлющая, но отнюдь не очевидная база анализа. На основе принципа интенциональности он решает традиционные как для теории познания, так и для онтологии проблемы. При этом Гуссерль не идет по пути различения предметов и содержаний познания, хотя и с похвалой отзывается об исследованиях Казимежа Твардовского, посвященных этому вопросу. Он также благосклонно, но без особого энтузиазма относится к опыту различения смысла и значения, составляющего основу логики Фреге.

Утверждение Пюньера, что предмет представления и предмет опыта противоположны, с позиции Гуссерля лишено смысла, оно противосмысленно потому, что опыт представляет собой не только возможность манипулирования с вещами, он вообще является универсальной областью возможных отношений сознания со своими предметностями. Различие, столь важное для Пюньера, между «существующими» и «несуществующими» предметами опыта теряет свое значение в интенциональной установке, в которой такие предметы, как, например, «Пюньер» и «кентавр», различаются не тем, что один «имеется в наличии», а другой является «мнимым объектом»: в полном смысле и тот и другой — мнимые, т. е. мыслимые содержания сознания. Различие их может выявиться только в последовательном описании этих предметов.

Когда протагонисты придерживаются в диалоге позиции реализма (один — натуралистического, а другой — средневекового), трудно избежать вопроса об образном отражении. Действительно, Пюньер признает, что представления — это наглядные образы. Но образы чего? Если чего-то, что не является образом, то как, в какой форме это «необразное» отнесено к предмету (исследования, опыта)? Если же это представление того, что уже содержится в сознании, то зачем усложнять простую (интенциональную) конструкцию и вводить степени представленности одного и того же содержания? Между тем второй путь для Гуссерля является вполне допустимым и разрешается в его концепции различных интуиций, включая идеацию, теорию очевидности, ясности и адекватности выражения интенционального содержания, а также поэтико-поэматическую корреляцию.

Неопределенность методологической основы анализа понятий приводит Пюньера к новым затруднениям: к неразличенности

«представления о предмете» и «самого предмета», а также к невозможности выделить то предметное содержание, которое Гуссерль называл «первичным содержанием сознания», имеющего значение в такой области, как, например, галлюцинация. Кроме того, образная теория, адептом которой, по всей видимости, является Пюньер, неизбежно приводит его к регрессии значений существующего. Но самое главное — протагонисты никоим образом не приближаются к решению вопроса определения существования, с которого начинался диалог.

Фреге ведет в диалоге, и Пюньеру едва удается удерживаться в границах здравого смысла, поскольку оказывается, что неаффектируемые предметы являются и существующими (так или иначе представленными в опыте), и несуществующими одновременно.

Когда для выражения содержания, включенного в опыт, отброшены понятия «существующий», «имеющийся», то на пожелание Фреге найти другое подходящее понятие Пюньер отвечает в духе посрамленных Сократовых противников: «Не получится. Это другое выражение вновь будет бессильно выразить то, что должно быть выражено»¹³.

И опять понятие интенциональности, извлеченное Ф. Brentano из средневековой схоластики и уже достаточно распространенное к тому времени не только среди его последователей, но и среди учеников Т. Липса, напрашивается само собой¹⁴. Фреге действительно стоит на пороге открытия интенциональности, когда в «Логических исследованиях» утверждает, что «совместить представление о вещи с самой вещью было бы возможно, если бы сама вещь также была бы представлением»¹⁵.

Пюньер удачно формулирует основание парадоксов и апорий, свойственное предикативной логике выражения несуществующего, которую разрабатывали еще представители школы элеатов: «прежде чем мы откажем чему бы то ни было в существовании, мы должны представить это существующим и только потом существование отрицать». Именно это парадоксальное с точки зрения здравого смысла положение Гуссерль редуцирует как естественную установку, отсекая всякую онтологическую проблематику до того, как на ее почве возникают неразрешимые антиномии. Необходимая последо-

¹³ Фреге Г. Избр. работы. С. 13.

¹⁴ См.: Куренной В. К вопросу о возникновении феноменологического движения // Логос. 1999. № 11–12. С. 161.

¹⁵ Фреге Г. Логические исследования. С. 24.

вательность в осуществлении двух методологических актов в феноменологии — редуктивистского отрицания и интенционального полагания — становится здесь вполне очевидной.

Редуцируя положения, очевидные для здравого смысла, Гуссерль переосмысливает и сам принцип очевидности, который не проявляется ни на уровне ощущения¹⁶, ни в структурах объективных данностей восприятия.

Гуссерлевское понятие очевидного, в котором столь важное значение имела феноменологическая редукция, у Фреге наполнено совершенно другим смыслом, здесь оно выступает в логическом изначально самотождественном отношении: «Значение, которое я придаю А, вообще не должно быть сковано никакими ограничениями. Если я пожелаю сказать об этом, это будет лишь нечто самоочевидное, что-то вроде $A = A$ »¹⁷.

Ясно, что интенциональный предмет, который служит основой аналитики Гуссерля, не может изначально содержать очевидность своего «состава», предметные содержания могут только выявляться с помощью многообразных экспликаций, осуществляемых не в строгом логическом выводе, а средствами не менее последовательной феноменологической дескрипции.

Фреге понимает очевидность более традиционно — как нечто элементарное, не требующее прояснения, прозрачное в своей простой определенности. Причем, как показывает диалог, самоочевидное Фреге не связывает с понятием существования, поскольку последнее не имеет непротиворечивого логического выражения. Самоочевидное для Фреге может быть дано в тавтологическом высказывании, которое «ничего не добавляет в определении того, о чем оно высказывается». В Гуссерлевом понимании очевидное произво-

¹⁶ Французский последователь Гуссерля М. Мерло-Понти объясняет причину того, почему ощущения и основанные на них так называемые первичные качества не могут рассматриваться как базовое структуры феноменологического анализа. В «Феноменологии восприятия» он пишет: «Так называемая очевидность чувствования основана не на свидетельстве сознания, но на наивной вере в мир. . . Мы вовлечены в мир, и нам никак от него не оторваться, чтобы перейти к осознанию мира. . . В отношении качества можно дважды ошибаться: во-первых, мы ошибаемся, когда делаем из него элемент сознания, тогда как для сознания оно объект, когда относимся к нему как к ни о чем не говорящему впечатлению, хотя оно всегда имеет какой-то смысл; с другой стороны, когда полагаем, что этот смысл и этот объект являются и определенными, и самодостаточными. И первая, и вторая ошибки исходят из наивной веры в окружающий мир» (Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 27-28).

¹⁷ Фреге Г. Логические исследования. С. 14.

дится в рефлексивных актах и таким образом включается в структуру дескрипции. Очевидность описывается Гуссерлем как многообразная синтетическая деятельность сознания. В «Логических исследованиях» он анализирует формы пассивного синтеза сознания — акты, в которых раскрывается смысл реальности физической вещи. В естественной установке им соответствует представление о вещах восприятия «как уже готовых», предданных сознанию.

В первой книге «Идей» Гуссерль исследует синтетические акты воображения и фантазии, синтезы идентификации и нейтрального полагания, во второй — акты перцептивного пространственного синтеза, в «Феноменологии внутреннего сознания времени» — синтезы первичной и вторичной памяти, в «Картезианских размышлениях» — синтезы аппрециации, важные со стороны конституирования интересубъективного сознания. В «Начале геометрии» и в «Кризисе» анализируются синтетические акты конституирования идеальной предметности. Другими словами, то, что наивному сознанию представляется «готовыми формами мира», неизменными физическими вещами или регистрируемыми в ощущениях качествами, Гуссерль описывает как процессуальные комплексы модификаций содержаний сознания, в которых условное первичное импрессиональное содержание является только одной из многообразных форм данности. Гуссерль таким образом подвергает анализу разнообразные механизмы связывания содержаний воспринимающего, познающего, интерпретирующего сознания.

Понятия референции и денотата не имеют большого значения в феноменологии Гуссерля, поскольку, как вообще во всякой трансцендентальной философии, референтная непрозрачность и онтологическая нейтральность «вещи» отнимают у этих понятий ту гносеологическую ценность, которой они наделены в других системах философии.

Но редуцирование реальности («физической вещи») в феноменологической установке тем не менее не отменяет вопроса об адекватности психического переживания. Чему адекватны психические акты? Если предмет этой адекватности — «психический факт», то вопрос сводится к способу его выявления и правилам описания. Если адекватность понимается как соответствие переживаниям других субъектов, имеет место интересубъективная проблематика. На ранних этапах формирования феноменологии, во втором томе «Логических исследований», адекватность рассматривалась как проблема выражения психических переживаний. Но более перспектив-

ным оказался для Гуссерля не анализ адекватности, а описание очевидности, конституируемой в актах рефлексии второго порядка. В § 138 «Идей к чистой феноменологии...» философ разбирает вопрос об «адекватной и неадекватной очевидности». Он показывает, как дескриптивно раскрываются «мотивирующие подосновы, задевающие характер очевидности», что даст ему основания феноменологически описывать как структуры формальной (аналитической, логической) очевидности, так и материальные (синтетически-априорные) ее содержания¹⁸.

Фреге, исходя из логики истины, полагает, что выражения «данный в опыте», «представленный на основе аффектации Я», а также «существующий» могут употребляться как равнозначные, как «несущественные модификации одного и того же»¹⁹. Гуссерль в «Идеях», напротив, строит описание данностей сознания на основе анализа модификаций этих данностей. Фреге совершенно отвлекается от определения статуса предметов и содержаний сознания, рассматривая как второстепенные такого рода исследования. Он не уверен, устраняются ли при этом некоторые второстепенные проблемы или, может быть, они только добавляются.

Итак, очевидно, что в диалоге выступают два участника, аналитические возможности которых прямо зависят от их изначальной методологической установки: если Пюньер целиком разделяет все неудобства, связанные с позицией естественной установки, то Фреге неосознанно и, значит, не всегда последовательно придерживается позиции интенциональности, поскольку она позволяет ему иногда преодолевать некоторые несообразности наивного эмпиризма своего протагониста. Пюньер, в лучших традициях софистики, заменяет собой мальчика для битья, в то время как Фреге в ходе диалога уточняет свои исходные принципы, на которых они вместе пытаются сформулировать непротиворечивые высказывания «о существовании».

Для Фреге предпочтительнее оставаться в агоне логиком, поскольку это, по крайней мере, позволяет ему удержать предмет исследования в структуре тавтологической самоидентичности.

Корректное логическое замещение смысла «существования» Фреге находит в понятии «самотождественное». Поскольку самоочевидность для него основана на тавтологической структуре, «т. е.,

¹⁸ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии С. 297.

¹⁹ Фреге Г. Избр. работы. С. 17.

собственно говоря, не обладает никаким содержанием», она, по сути дела, является повторяющимся актом созерцания, прямого удостоверения, в то время как истина имеет символический характер и является результатом логического вывода. Возникает вопрос, может ли изначальная очевидность сохраниться в структуре такого логического вывода. В таком выражении обнаруживается существенно важная для феноменологии позднего Гуссерля проблема производства первоактов и отношения их к «идеальным предметностям» как основам рационального теоретизирования. В «Начале геометрии» Гуссерля занимает описание актов начального математического формосмыслорождения. Вопросы, возникающие в связи с феноменологическим истолкованием начала геометрии, разрешаются Гуссерлем в системе дескриптивного исследования. Можно утверждать, что очевидность является и основой, и целью феноменологической (интенциональной) дескрипции.

В работе «Шрифты понятий» («Begriffsschrift») Фреге анализирует структуру отношения понятий, соединенных связкой «есть». Все возможные здесь отношения сводятся к четырем классам: 1) тождеству; 2) включению элемента в класс; 3) включению класса в класс; 4) существованию²⁰. Везде понятие существования есть «только логический предикат», оператор, связывающий два члена логического предложения («Язык изобретает слово “существовать”»²¹). Следовательно, для Фреге область существования инспирируется языком, утверждается на его основе и в целом ограничивается сферой символических значений, относящихся к области логики, в то время как интенциональный анализ Гуссерля ориентирован на феноменологически редуцированную реальность, поскольку редуцированный остаток и есть реальное сознания.

В анализе фрегевской логической концепции Я. Хингика обращает внимание на то, что Фреге, полагавший, что он исходит из лингвистической структуры всех естественных языков, на самом деле, как показал еще С. Лесьневский, опирался только на систему германских языков и упускал из виду, что в польском, русском и латинском языках действуют принципиально иные языковые экспозиции.

Поскольку в логике Фреге суждение о существовании может быть представлено в структуре тавтологического высказывания,

²⁰ Фреге Г. Шрифт понятий // Методы логических исследований. Тбилиси, 1987.

²¹ Фреге Г. Избр. работы. С. 18.

оно бессодержательно. За логической тавтологией стоит простое указывание на предмет. В этом смысле Гуссерль в «Формальной и трансцендентальной логике» говорит о «наивной очевидности» формальной логики²².

Смысл логически «самоочевидного» у Фреге не имеет ничего общего с «феноменологическим остатком» Гуссерля, поскольку пределом редуцированного в феноменологии является интенциональный предмет, содержащий многообразные импликации, пределом, так сказать, логически редуцированного является пустое значение. Фреге сам подтверждает это: «Когда высказывает предложение “А самождественно”, то имеют перед собой лишь одну цель — выразить логический закон идентичности, но никак не узнать побольше об А»²³.

В приложениях к «Формальной и трансцендентальной логике» Гуссерль раскрывает символическое содержание тавтологического суждения («то же самое А»), включенного в трехчленное отношение. Он полагает, что в пропозициях «А есть b» и «А есть c» нет одинаковых членов: хотя А «выступает дважды», но в разных «как». И это «как» само подлежит поэтической экспликацией не в структуре означающего акта, а в структуре мнения, подразумевающего тождественное или нетождественное содержание: «Мы имеем суждение с двумя содержаниями А, которое, занимая корреспондирующее место в двух предложениях, имеет содержание, которое подобно этому другого (like that of the other). И эти содержания сформировались различным образом. . . Другими словами, мы имеем здесь единство неположенного тотального утверждения: “А есть b” и “то же А есть c”. . . Такие анализы могут быть проделаны везде, где “тот же самый” член имеет место (тот же самый субъект, предикат или объект, тот же самый гипотетический антицедент и т. д.)»²⁴.

Поскольку и для Фреге очевидно, что нет последовательного звена в переходе от формы со связкой «es gibt» к высказыванию с конкретным содержанием, присоединяющимся к связке, логическое выражение «факта существования» пока что оказывается неразрешимой проблемой. Таким образом, в логическом высказывании символ не может не быть отвлечен от своих имплицативных содержаний, а значит, противоречия, связанные с двусмысленным

²² Husserl E. *Formal and Transcendental Logic*. Hague, 1969. P. 269.

²³ Фреге Г. Избр. работы. С. 18.

²⁴ Husserl E. *Formal and Transcendental Logic*. P. 296.

употреблением значения «есть», оказываются непреодоленными в символическом редуцировании. Символический язык — это все еще язык со всеми свойственными ему неоднозначными и окказиональными отношениями означающего и означаемого.

И несмотря на то что благодаря своим разработкам в области символического языка, или «шрифтов понятий», Фреге становится основоположником современной формальной логики, ведя исследования в области логики предикатов, логической семантики, отношений означаемого и означающего, отношений смысла и значения, экстенциональных контекстов и многих других проблем, которые в дальнейшем привели к развитию неклассических логик XX столетия, для Гуссерля большой смысл имеет то высказывание Фреге, которым заканчивается диалог с Пюньером: «Отсюда видно, насколько язык становится пособником в возникновении заблуждений и, значит, насколько важно для философии лишить язык его господства. Когда пытаются воздвигнуть на совершенно иных основаниях и совершенно иными средствами определенную знаковую систему — как пытался это сделать я, замыслив свой «Begriffsschrift», — то, так сказать, нос к носу сталкиваются с ложными аналогиями в языке»²⁵.

Таким образом, Фреге действительно отчасти проясняет «наиболее загадочные пассажи» Гуссерлевой интенциональной теории, поскольку проблематика, сходная с Гуссерлевой, разворачивается у Фреге в ином исследовательском контексте. Особенно это касается комплекса вопросов, над которыми бился Гуссерль в начале своих феноменологических исследований. Парадоксальным образом укорененность Гуссерля в психическом помогала ему преодолевать психологизм, что не удалось в конечном итоге Фреге, который просто отбросил его как недостаточно надежное основание философии. В этом состоит смысл оценки фрегевской теории, данной Д. Моханти: «Фреге отверг психологизм, но не преодолел его»²⁶.

Если основой интенционального анализа Гуссерля становится коррелятивное ноэзо-ноэматическое отношение как отношение смысла, предмета и актов, в которых они конституируются, то Фреге ориентируется на анализ отношений смысла, предмета и значения. Все многообразие синтетической деятельности сведено у Фреге к актам означивания. Восполняя этот пробел, Фреге обращается

²⁵ Фреге Г. Избр. работы. С. 24.

²⁶ Mohanty J. N. Husserl, Frege and overcoming of psychologism // Philosophy and science in phenomenological perspective. Dordrecht, 1984.

к различным референтным корреляциям. Мишель Даммитт, один из самых основательных исследователей работ Г. Фреге, составил по фрегевским работам индекс референциальных отношений. Референция определяется в философии Фреге и как семантическое отношение, и как причинное отношение, и как форма, детерминирующая истину, и как структуры фиксации истины, и как независимая структура контекста, и как непрямая отсылка (косвенная референция), и как знание (чего-то), и как недостаток (чего-то), и как неполнота выражения, и как являющаяся (или неявляющаяся) часть целого, и как имя собственное (в отношении к отдельным терминам), и как целое предложение, детерминированное референцией частей, и как отношение к смыслу, и как выражение содержания, и как «шрифт», и как отношение к внешней реальности, и как объектное отношение, и как аргумент соответствия, и как различенность смыслов и т. д.²⁷

Когда Фреге в своих «Логических исследованиях» анализирует такое высказывание, как «мое представление согласуется с Кельнским собором», нельзя пройти мимо такого опыта, поскольку, во-первых, это пример логического анализа предложения, связанного с конкретными содержаниями чувственности, во-вторых, это предметно связано с темой нашего исследования.

В соответствии с концепцией Фреге здесь можно выделить три уровня согласований: 1) согласования реальности и представления (этот уровень не подлежит логическому анализу в теории Фреге, поскольку он полагает, что истина не выражается отношением реального и представленного; реальное может быть выражено не иначе, как в другом представлении, и потому «смысл не следует согласовывать с представлением (как с чем-то иным)», и здесь его позиция никак не противоречит интенциональной установке Гуссерля); 2) согласования внутри логической схемы — значения (истинностного значения) и смысла (любого формально корректного высказывания); 3) согласования алофатических (утвердительных) суждений, или концептуальных схем (теорий)²⁸.

²⁷ Dummett M. The interpretation of Frege's philosophy. Cambridge (Mass.), 1981.

²⁸ Проблема отношения единичного «теоретического факта» к системной полноте теории была сформулирована еще Пьером Дюэмом, впоследствии уточнена Куайном и вошла в эпистемологию как тезис Дюэма — Куайна. Я. Хинтикка в теории глубинной и поверхностной информации, выделяя два уровня реальности, повторяет распространенную концептуальную схему, согласно которой утверждается, что «глубинная информация — это информация о реальности,

Очевидно, что относительно возможных референтов и Фреге, и Гуссерль, и Хинтикка имеют в виду только отношения в сфере сознания: Фреге — как логическое пустое по содержанию тождество вещи с самой собой, Гуссерль — как многообразие коррелятивных интенциональных структур, Хинтикка — как отношение частного концепта в рамках всей эпистемы.

Что касается Фреге, то для него такое пустое содержание всего точнее выражено в имени предмета, и еще более строго это тождество обозначается символически знаком. Причем равенство корректно выражает только изначальное тождество вещи с самой собой. Тавтологическое отношение, которое является основанием логики истины, дополняется другими логическими отношениями между именами понятий. Никакой предикат не может исчерпать содержание имени потому, что если два разных знака связаны отношениями тождества, то суждения $a = a$ и $a = b$ неразличимы. Уже было показано, какого взгляда на смысл тавтологического высказывания придерживался Гуссерль в своей «Формальной и трансцендентальной логике», подвергая сомнению универсальность закона исключенного третьего «в чисто аналитической сфере»²⁹.

Референциальные отношения во фрегеевской логике можно схематично изобразить в виде членов семантического треугольника, вершины которого обозначены как смысл, значение и предмет. Во втором томе «Логических исследований» Гуссерль еще испытывает на себе воздействие фрегеевской логической структуры, но для Гуссерля послелогического периода уже не было столь привлекательным исследование отношений внутри этого треугольника. В его феноменологической теории все большее значение приобретали смыслообразующие и предметобразующие акты, не сводимые только к означающей деятельности сознания. Темпоральные, кинестиче-

о которой говорит рассматриваемое высказывание, а поверхностная информация — это в определенном смысле информация о самом концептуале, с помощью которого мы отражаем реальность (или какой-то ее аспект)» (Хинтикка Я. Поверхностная информация и глубинная информация: Логико-эпистемологические исследования. М., 1980. С. 221). В этом свете логика как один из концептов является всего лишь последовательным и непротиворечивым связыванием некоторых предметных содержаний, она в силу этого остается ограниченным (поверхностным), как у Хинтикки, или нормативным, как у Гуссерля, способом интерпретации, который является только фрагментом возможного понимания, только одним из многих коррелятивных отношений. Реальное же означает всю совокупную систему возможных высказываний, что близко по смыслу «полной поэме» Гуссерля.

²⁹ Husserl E. Formal and Transcendental Logic. P. 325.

ские, идентифицирующие синтезы, акты восприятия, а также иные формы чистого переживания есть не что иное, как расширение той области сознания, которая сведена в теории Фреге к означивающей деятельности. Референт коррелятивных отношений принадлежит сознанию (*Geell*) и раскрывается в структуре генетически конституируемого «того же самого». Идентификация и корреляция в конечном итоге вытесняют из феноменологического анализа референцию, и это имеет принципиальное значение для понимания различия в подходах Фреге и Гуссерля. Гуссерлев феноменологический коррелятивный треугольник будет выглядеть следующим образом: акты — поэмы — интенциональные предметы. Формально-логические законы не имеют определяющего значения для трансцендентальной логики Гуссерля. Формальное тождество вещи — это незыблемое утверждение, лежащее в основе всякого элементарного и не противоречащего логическим нормам суждения, — для Гуссерля проблематично и подвергается сомнению. В его суждениях соблюдается скорее грамматическая нормативность, чем формально-логическая, поскольку в дескрипции предметное единство раскрывается таким образом, что просто не имеет смысла рассматривать их в рамках первичного тавтологического тождества.

В теории очевидного Гуссерля речь идет о возможности удовлетворительного описания интенциональной структуры восприятия во временном удерживании, в идентификационной корректности, в поэтической полноте, в различных способах интенциональной данности, с допущением «мира» как со-конструируемых интерсубъективных перспектив. Тогда различные (и противоречивые) описания перестанут быть взаимоисключающими, т. е. перестанут противостоятельным образом относиться к одному и тому же предмету. Такое положение внутри дескрипции станет возможным только тогда, когда в понимании окажутся связанными коррелятивные и очевидностные структуры анализа. Следовательно, задача исследования теперь состоит в том, чтобы вернуть редуцированный материал в структуру полной поэмы, прояснить смыслы того региона, который подвергается редукциям.